

Смешно сказать, но один самый обычный дождливый день стал кошмаром для четверых.

Для мертвой Ань Жуюй, для Ань Цзин, для Цзянь Яна и для Фэн Ичэня. Стоило начаться дождю, как холод начинал просачиваться прямо в их кости.

Ань Цзин пребывала в каком-то оцепенении. Казалось, после ухода Ань Жуюй она постоянно витала в облаках: то часами лежала на парте, не слушая уроки и не засыпая, то просто смотрела куда-то широко открытыми глазами, пока они не начинали сохнуть, и тогда она медленно их закрывала...

Ань Цзин чувствовала, что лежит на диване с закрытыми глазами, точно так же, как каждый день ждала Ань Жуюй прежде. Но теперь ей смутно казалось, что это ожидание стало иным: появилось пугающее предчувствие, что она больше не дождется.

Она лежала на диване, сознание было невероятно ясным, а тело погрузилось в тяжелый сон. Ее душа, широко открыв глаза, лежала внутри этой оболочки.

Она услышала, как открылась дверь, а затем — осторожные шаги девушки. Девушка бережно поставила принесенный для нее любимый десерт и на цыпочках подошла ближе.

Девушка присела, глядя на нежное бледное лицо Ань Цзин, и не удержалась — протянула руку, чтобы очертить контуры ее бровей и глаз.

Девушка завороченно смотрела на спящую на диване: та дышала ровно, и грудь ее слегка вздымалась, а губы были розовыми и нежными.

Словно в наваждении, девушка подалась вперед, но, ощутив мягкость губ, внезапно опомнилась и бросилась прочь, словно спасаясь бегством.

Спустя некоторое время она снова на цыпочках вышла из спальни, взяла плед, укрыла им Ань Цзин и снова поспешно скрылась.

Ань Цзин резко проснулась, словно душа вновь слилась с телом воедино. Она ошеломленно подумала: Ань Жуюй любила ее?!

Она начала вспоминать, когда же Ань Жуюй начала проявлять знаки внимания, и с изумлением обнаружила, что это случилось как раз на следующий день после того поцелуя.

Ань Цзин слегка дернула уголок губ, не зная, какое выражение лица принять, и в итоге просто расслабила их, оставшись с абсолютно бесстрастным лицом.

Она посмотрела в зеркало на свое лицо — яркое и чистое, — и растянула губы в улыбке.

Отражение ответило ей тем же, но улыбка тут же исчезла, ослепительная и мимолетная, подобно цветку ночного кактуса в тишине ночи.

Настроение у Ань Цзин было отвратительным. То, что она узнала сегодня, казалось, лишь подтверждало, что смерть Ань Жуюй неразрывно связана с ней самой. Чувство вины легло на сердце тяжкими оковами, от которых было трудно дышать.

Почему-то внутри нее затаилось еще и смутное разочарование. Ань Цзин сидела на кровати, а в ее голове спорили двое: один — холодный и злобный, другой — пытающийся оправдаться.

Она ведь никогда не была добра к тебе по-настоящему. Сначала просто платила за то, что ты ее прикрывала, а потом — всего лишь испытала к тебе отвратительное влечение. А ты-то, дуручка, раскрыла ей всю душу! — этот холодный, злой голос звучал резко, источая мрак.

Но ведь то добро, что она делала, было настоящим! Она просто любила тебя. Она даже готовила тебе свиные ребрышки в кисло-сладком соусе. Она говорила, что будет с тобой всю жизнь, что вы станете семьей. Она так искренне обещала тебе будущее! — этот светлый человечек с негодованием защищался, не желая, чтобы кто-то обесценивал Ань Жуюй.

Ань Цзин словно сидела между ними, разрываемая на части. Она чувствовала, как душа болит от этого натяжения, боль просачивалась из самой глубины, и в носу защипало.

Оба человечка давно исчезли. Весь мир опустел, осталась только она одна. Даже их недавний спор оказался лишь плодом ее воображения.

Она внезапно ощутила пустоту, исходящую из самых недр души. Она не понимала, почему так происходит, и вдруг осознала, что не знает смысла своего существования. Зачем она вообще живет?

<http://bllate.org/book/20368/2037540>